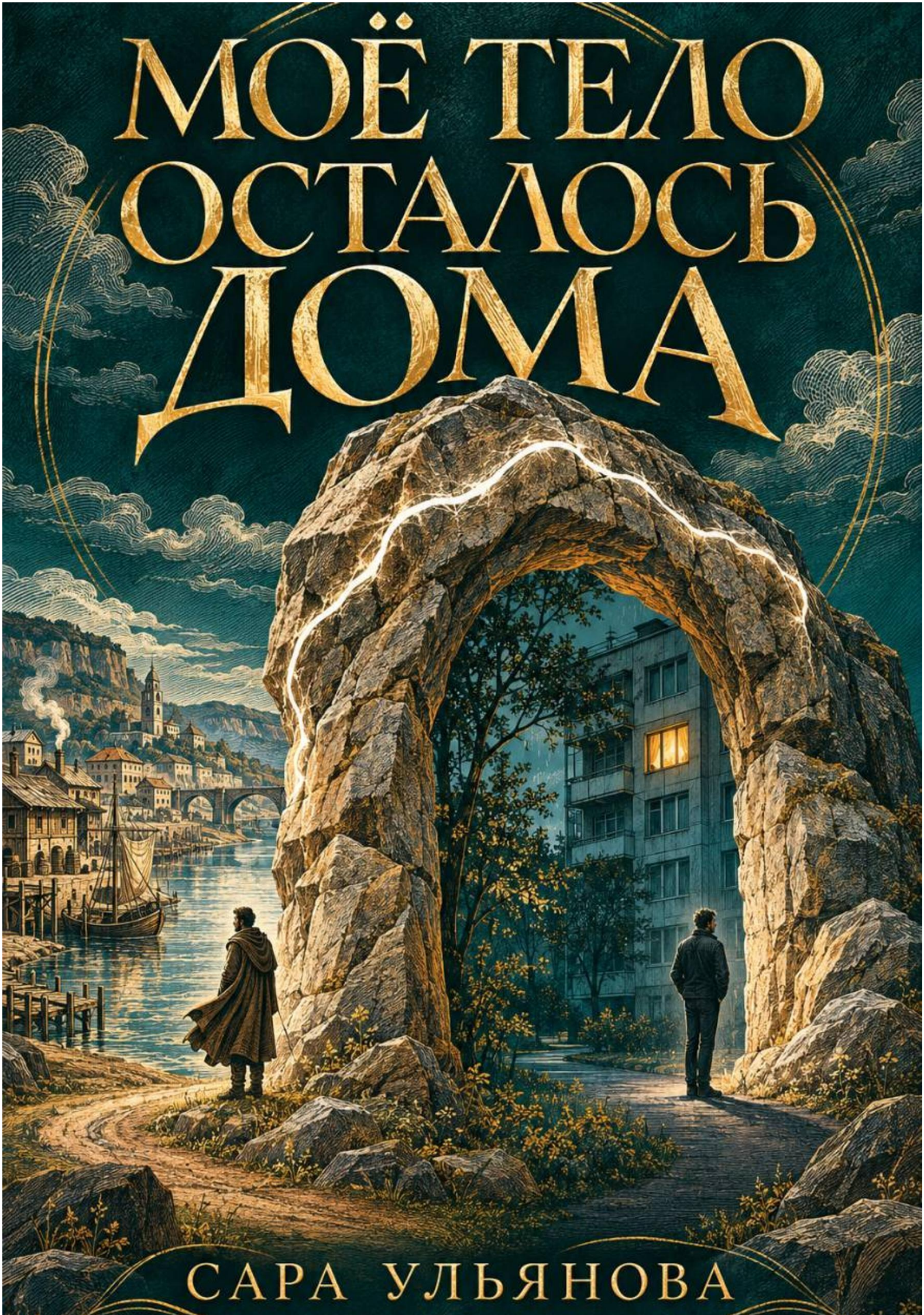
МОЁ ТЕЛО ОСТАЛОСЬ ДОМА

САРА УЛЬЯНОВА

Сара Ульянова

Моё тело осталось дома

«Автор»
2026

Ульянова С.

Моё тело осталось дома / С. Ульянова — «Автор», 2026

Я уснул в театральной гримёрной, а проснулся в камере. Чужое лицо, чужой голос и смертный приговор за то, чего я не совершал.Меня зовут Илья Серов. Я актёр, и раньше мне хватало правильной интонации, чтобы выпутаться из неприятностей. Здесь этот фокус не работает. Зато дома моим лицом пользуется человек, который оставил меня вместо себя. Он разговаривает с моей дочерью, тратит мои деньги и понемногу устраивается в моей жизни.Мы можем вернуть свои тела. Нужно только добраться до нужного Порога, уснуть и одновременно согласиться на обмен. Вот только ему на той стороне грозит казнь, а в моём мире уже нашлась работа и крыша над головой.Пороги открыты всего двадцать одну ночь в году. И чем лучше у него идут дела, тем меньше у меня шансов вернуться домой.

© Ульянова С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Неправильный выход 5
Глава 2. Человек без роли 10
Глава 3. Допрос актёра 15
Глава 4. Нельзя сыграть отца 20
Глава 5. Пять человек и шестой 25
Глава 6. Премьера без него 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Сара Ульянова
Моё тело осталось дома

Глава 1. Неправильный выход

В Никином фильме я умер на третьей минуте, а на четвёртой испортил весь дубль.

Нужно было лежать. Просто лежать на полу пустой автомастерской, пока моя дочь обходит меня с камерой. Я умел лежать. Два сезона в театре меня выносили со сцены, и ни разу покойник не подвёл коллег. Но теперь Ника наступила на шнур, свет погас, и в полной темноте она сказала:

— Вот теперь хорошо.

Я засмеялся.

— Папа!

— А что? У тебя получилось авторское решение.

Она включила свет и посмотрела на меня сверху. Взгляд у неё был Алинин: им обычно проверяли, нельзя ли вернуть меня по гарантии.

— Ты до этого нормально лежал. Очень. И зачем?

— Смешно стало.

— Мне тоже. Я же не смеюсь в кадре.

На самом деле смеялась. Мы оба это знали, но я не стал предъявлять запись: у режиссёра должен оставаться хотя бы один послушный человек. Я вернулся в исходное положение, и Ника пошла к двери, откуда начинала проход.

Автомастерская принадлежала отцу её подруги. По четвергам он закрывался рано и разрешил нам снять здесь конец фильма — при условии, что никто ничего не станет переставлять. Поэтому мой герой, ночной охранник, погибал возле стойки с рекламой зимней резины. В Никиной истории никакой резины не было. Были незнакомые шаги в здании, телефон, с которого нельзя позвонить, и работник, слишком поздно заметивший открытую дверь.

Она придумала это сама. Я предлагал две версии конца, обе более эффектные; обе Ника отвергла. В её варианте охранник просто не успевал понять, что случилось. Открыв рот для ещё одного предложения, я увидел, как она заранее набрала воздух.

— Молчу, — сказал я.

— Только не с таким лицом.

— Я лицом тоже молчу.

Она спряталась за камерой.

В этот раз я не пошевелился. Слышал, как она обходит меня, осторожно переносит ногу через шнур. На секунду представил, что она действительно подходит к лежащему отцу, и захотел открыть глаза. Дождался её голоса:

— Всё.

Ника присела рядом, включила просмотр и придвинула экран так, чтобы мы оба видели. В кадре свет не погас, зато тень от её руки прошла по стене раньше, чем сама девочка приблизилась ко мне. Получилось, будто в комнате ещё кто-то был. Мы посмотрели это место второй раз.

— Не переделывай, — сказал я.

— Я и не собиралась.

— Я бы сам не придумал.

— Тут ещё звук плохой. Но можно отдельно записать.

После этих слов я окончательно обрадовался: значит, похвалу она приняла.

До прослушивания оставалось полтора часа. Мы успели убрать за собой, запереть мастерскую и дойти до остановки. Обычно Ника сразу надевала наушники, но сейчас рассказывала, где обрежет проход, чтобы зритель успел заметить тень и не успел решить, что так и задумано. Я слушал и понемногу переставал играть в хорошего отца, который интересуется детским занятием. Мне правда хотелось увидеть, что у неё выйдет.

— В субботу в шесть, да?

Она остановилась.

— Ты опять забыл?

— Я уточняю.

— В шесть. Сначала три других фильма, потом мой. Но приходить нужно к началу.

— Приду к началу.

Она кивнула и пошла дальше, уже рассказывая про девочку, снявшую целый фильм без единого человека. Я успел спросить, как это, и получил длинное объяснение. На остановке мне даже стало жаль, что подошёл её автобус.

Мы договорились встретиться в театре без четверти девять. Борис разрешил записать там тихие шаги для фильма; после репетиции маленький зал должен был освободиться. Ника успевала поесть дома, а Алина — закончить работу и потом забрать её. Мне предстояло только не уйти раньше.

— И не начни там сам всё озвучивать, — предупредила Ника с подножки.

Я уже собирался предложить три разных варианта шагов и поэтому просто помахал.

* * *

Борис Мельников встретил меня в зрительном зале. Я знал его лет десять: играл у него соседа, врача, одного из братьев, про которого все забывали, пока он не выходил с важным письмом. Теперь Борис ставил комедию с единственной большой мужской ролью, и письмо приносили уже этому человеку.

Роль называлась «хозяин». Ему предстояло за один вечер потерять деньги, дом, невесту и почти всех гостей, продолжая настаивать, что праздник удаётся. Я прочитал пьесу два раза. На втором понял, как сильно хочу её сыграть.

— Ты зубы бережёшь? — спросил Борис.

— Что?

— В прошлом спектакле ты всё время улыбался. Я решил, новое поставили.

Улыбка исчезла сама. Борис удовлетворённо кивнул и пошёл на сцену читать за моего партнёра.

Я начал хорошо. Знал, где замедлиться, когда не договорить, где позволить зрителю догадаться раньше героя. В пустом зале сидели администратор и молодая актриса, ждавшая своего отрывка. Актриса засмеялась в нужном месте. Потом ещё раз. На третьем смешке я почувствовал, что всё получается, и чуть подержал паузу, чтобы она успела оценить следующий поворот.

Борис закрыл пьесу.

— Дальше не надо?

— Пока нет.

Я стоял посреди сцены. Было слышно, как в коридоре катят что-то тяжёлое. Очень хотелось, чтобы это что-то проехало быстрее.

— Я слишком много делаю?

— Не знаю. Меня ты вообще не заметил.

— Я смотрел на тебя.

— Ну да.

Он спустился со сцены, принёс стул и поставил в дверном проёме.

— Давай отсюда. Ты меня не выпускаешь. Я уже оделся и ухожу.

— Мы же с другого места начинали.

— А теперь с этого.

В пьесе хозяин удерживал приятеля, который только что узнал, что его деньги исчезли. Я приготовился сделать сцену про неловкость, но Борис открыл дверь и шагнул за неё, даже не дождавшись конца моей реплики. Пришлось догонять. Он ушёл снова. Во второй раз я успел загородить проход, а слова уже договаривал ему в плечо.

— Да отойди ты, — сказал он своим голосом.

И я вдруг почувствовал этого человека. Не печального смешного хозяина, которого удобно было показывать из зала, а человека, у которого сейчас уйдёт последний друг. Все остальные потери можно будет пересказать потом. Эту нужно было остановить.

Я перестал ждать смеха.

В конце сцены Борис остался. Мы оба молчали чуть дольше, чем требовалось. Потом он постучал пьесой по моей груди.

— Ещё раз придёшь завтра. С партнёршей.

Я понял, что получил роль, и сразу испугался, что понял неправильно.

— Это проба или репетиция?

— Тебе очень важно название?

— Сейчас — да.

Он улыбнулся впервые за вечер.

— Репетиция. Не испорти мне её подготовленным успехом.

Я мог бы уйти из театра до того, как Борис передумает. Вместо этого задержался: хотелось ещё побыть на сцене. Посмотрел в пустой зал, отыскал взглядом место, где обычно сидел, ожидая выхода. Оттуда меня часто видно не было.

Администратор подошла с расписанием.

— Илья, у нас в субботу выезд в два. Сможете?

Я ещё смотрел на своё старое место.

— В эту субботу?

Она показала пальцем дату. Послезавтра.

Первое чтение с труппой, знакомство с площадкой, вечером — маленький показ для организаторов. Борис весь следующий месяц подстраивал под эту поездку. Мне достаточно было сейчас сказать про Никин фильм. Может быть, он нашёл бы выход. Может быть, выбрал бы другого актёра, который не начинал работу с просьбы отпустить его в первый день.

— Да, — сказал я. — С выездом смогу.

До субботы оставалось два дня. Ника показывала фильм здесь, поездка была в другой город. Я это понимал. Просто на сцене всё ещё стоял стул, и мне хотелось завтра снова не выпустить из той двери Бориса.

Администратор вписала мою фамилию и перешла к следующему человеку.

Нике я пока ничего не написал.

* * *

В гримёрной я сел на диван и закрыл глаза.

Обычно там было тесно: кто-нибудь ел, кто-нибудь переодевался, один человек непременно рассказывал то, что рассказывал уже вчера. Сегодня все разошлись. До Никиного прихода оставалось полчаса. Я поставил будильник на двадцать тридцать пять и решил пока не репетировать разговор о субботе. Слишком хорошо знал, какие слова начнут в нём появляться.

Сон пришёл сразу.

Разбудило меня то, что я не мог опустить руку.

Хотел повернуться и не смог. Руки были заведены за спину. Под щекой оказался камень. В гримёрной не было ничего каменного, кроме небольшой пепельницы, которой давно никто не пользовался.

Я открыл глаза.

Свет падал откуда-то сбоку, слишком низко. Передо мной тянулась стена, уходившая в темноту. Я лежал на полу и смотрел на чужие босые ступни.

Человек сидел напротив, привалившись к стене. Увидел, что я проснулся, и убрал ноги.

— Тише, — сказал он. — Они только ушли.

Я приподнялся. Верёвка больно потянула плечи, и дальше пришлось подниматься боком. У сидевшего была опухшая щека. Он выглядел так, словно провёл здесь больше одной ночи и ни одной не хотел бы повторить.

— Что это?

Он не ответил.

Я спросил громче, и тогда понял, что с голосом что-то не так. Он шёл ниже, царапал горло. Я попытался откашляться — чужой кашель, незнакомое усилие груди.

За решёткой появился мужчина. На нём была одежда, которой я не мог подобрать названия: длинная кожаная безрукавка поверх короткой куртки, без единого предмета, выдающего реконструктора. Он держал лампу. Пламя двигалось, пока сам он стоял неподвижно.

— Опять отвязать?

— Да. Пожалуйста.

Мужчина не сдвинулся.

— Я не понимаю, что происходит, — сказал я.

Сидевший напротив закрыл глаза.

Я попробовал заговорить спокойнее. Так можно было разговаривать с пьяным зрителем, забравшимся на сцену: признать его присутствие, убрать из голоса приказ, предложить понятное действие.

— Давайте сначала развяжем руки. Потом вы мне объясните. Я никуда не побегу.

— Уже бегал.

— Вы меня с кем-то путаете.

Он выставил лампу вперёд. Я увидел собственное предплечье, насколько позволяли вывернутые руки: тёмный рубец от запястья почти до локтя. Никогда такого не было.

Я вывернул шею, пытаясь рассмотреть запястье лучше.

— Хватит дёргаться. Рой!

Я продолжал смотреть на руку.

Он ударил ладонью по решётке, и я вздрогнул всем телом — настолько чужим, что не угадал даже, как удержать равновесие. Завалился на плечо. Мужчина выругался, поставил лампу и вошёл в камеру.

Я отодвинулся от него раньше, чем успел решить, надо ли это делать.

— Не трону. Повернись.

Он разрезал верёвку. Я подтянул колени, вцепился освободившейся рукой в другую и нащупал рубец. Выпуклый, старый. Настоящий настолько, что стало стыдно за следующую мысль: грим. На левой руке не было моей небольшой кривой татуировки — первой буквы имени дочери, которую она уже несколько лет предлагала закрыть чем-нибудь приличным.

— Меня зовут Илья.

Мужчина посмотрел на моего соседа. Тот всё ещё не открывал глаз.

— Терен Рой тебя зовут. И приговор твой никто не отменял.

— Какой приговор?

Слишком быстро спросил. Он отступил за решётку, забирая лампу.

— До понедельника время есть. Господин Век завтра придёт, расскажешь ему, куда делся человек. Может, ещё поможет.

Я успел схватить его за край куртки. Сразу отпустил, увидев, как он потянулся к оружию.

— Постойте. Где я?

— В гостевом дворе.

Он закрыл дверь.

В стене напротив решётки было узкое окно. Я дотянулся до края и поднялся. За окном проходили люди, но видел я только ноги: сапоги, колёса тележки, длинный подол. Потом тележка отъехала, и через двор открылась каменная арка — такая большая, что за ней терялось всё остальное. В её боку светилась тонкая белая полоса.

Я стоял, пока на улице не прошли ещё двое. Ни автомобилей, ни фонарей, ни стен соседнего дома. Над аркой виднелось узкое пятно звёзд.

— Не смотри, — сказал человек у стены.

— Почему?

— Спать всё равно не дадут.

Я повернулся к нему, но он лёг, укрыв голову руками.

В чужой груди начинало колотиться сердце. Я приложил ладонь к рёбрам, будто мог проверить, что хоть внутри осталось моё. Ничего не узнавалось. Ни руки, ни дыхание, ни голос, которым я несколько минут назад пытался успокоить тюремщика.

Ника придёт без четверти девять. Ей откроют служебную дверь. Она поднимется в гримёрную, где я оставил телефон с будильником и уснул на полчаса.

Я не знал, кого она там найдёт.

Глава 2. Человек без роли

Первым делом Терен проверил дверь.

Она открылась. За ней оказался коридор с таким ровным светом, что стен было почти не видно. В конце коридора мужчина разговаривал с женщиной; ни один не повернулся. Терен закрыл дверь и встал спиной к ней.

Получилось.

Он освободился так легко, что несколько мгновений не мог придумать следующего действия. Пять ночей в камере, чужие крики сквозь сон, обещание Века прийти завтра. И вот дверь, которую можно открыть самому.

Терен засмеялся. Смех оказался негромким и лёгким, совсем не таким, какого он ожидал. Он поднёс руку к горлу, повернул ладонь. На запястье, ближе к большому пальцу, была маленькая чёрная буква.

Всё остальное тоже принадлежало другому.

Терен подошёл к зеркалу. Мужчина в нём выглядел усталым, но не избитым. Волосы были короче, чем у Терена, кожа светлее. Он обнажил зубы, заставил лицо улыбнуться, и стало хуже: лицо мгновенно приобрело выражение человека, который рад тебе и знает, что делать.

Терен улыбаться перестал.

В комнате стоял диван. На нём он проснулся; рядом лежала плоская чёрная вещь. Теперь вещь пела. От звука он отшатнулся раньше, чем разглядел засветившуюся поверхность. Там было написано: «20:35. Подъём».

Цифры он понял сразу. Понял и слово, хотя никогда прежде не видел таких знаков. Он смотрел на них, ожидая, что заодно вспомнит, как вещь выключить. Ничего больше не вспомнилось.

Терен накрыл её диванной подушкой. Песня стала тише.

В дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошли.

— Илья, ты здесь?

Это был мужчина из коридора. Седой, с небольшим брюшком, он не нёс оружия и не остановился у порога, как посторонний. Терен отступил от зеркала, освобождая ему путь, и тот нахмурился.

— Уснул, что ли? Мы тебя потеряли.

Терен кивнул.

Из-под подушки продолжало петь.

— Будильник на телефоне убери.

Он посмотрел на диван. Мужчина проследил за взглядом, достал чёрную вещь и провёл пальцем по свету. Песня оборвалась.

— Что с тобой?

— Ничего.

Мужчина подождал.

В Равени такого ожидания следовало опасаться: значит, человек уже знал ответ и хотел услышать, насколько далеко ты зайдёшь. Терен заставил себя посмотреть ему в лицо.

— Не сразу понял, где нахожусь.

— Ещё и заблудился у себя в гримёрной. Сядь.

Терен не сел. Между ним и дверью оставался один шаг. Он мог выйти, мужчина наверняка попытался бы задержать, но в коридоре были ещё люди, и пришлось бы объяснять. Пока его принимали за здешнего, лучше было сохранить это преимущество.

— Голова кружится?

— Нет.

— Тошнит?

— Нет. Я здоров.

Мужчина смотрел уже без раздражения. Это было плохо: раздражённые торопились уйти, озабоченные оставались надолго.

— Илья, давай я кого-нибудь позову. Ты какой-то...

— Не надо, — перебил Терен. — Пожалуйста. Я просто не выспался.

Он не знал, мог ли человек этого мира так отвечать. Но мужчина выдохнул, и расспросы закончились.

— Завтра в одиннадцать. Не забудь. И поешь нормально.

— Хорошо.

— Твоя сейчас придёт. Я буду внизу, если что.

После его ухода Терен взял телефон с дивана. Экран снова засветился; появились четыре пустых кружка и ряды цифр. Он попробовал провести пальцем, как делал мужчина. Кружки остались. На секунду возникло отражение незнакомого лица, потом всё погасло.

Терен оставил телефон на месте.

Он снял куртку со спинки стула. Нужно было уйти, пока его не начали провожать. На стене возле двери висело расписание, и среди имён он нашёл «Илья Серов».

Так звали человека, которого он оставил в камере.

На листе Илья Серов был занят завтра с одиннадцати до трёх. Терену захотелось сказать этому человеку, что завтра у него будут совсем другие занятия. Предупреждать было поздно.

В дверь снова постучали.

* * *

Девочка вошла сама, не дав ему ответить. Поставила сумку на стул, с которого он только что снял куртку, и сразу заговорила:

— Пап, нам можно уже? Борис сказал, там ещё кто-то разбирает, но это быстро.

Терен успел спрятать куртку за собой. Бессмысленное движение; девочка не смотрела на него, вытаскивала что-то из сумки.

Она была примерно того возраста, в котором его младшая сестра перестала разрешать ему носить её через разлившуюся канаву. Вначале это воспоминание помогло: он хотя бы знал, как не напугать ребёнка. Потом дошло обращение.

Папа.

— Сейчас, — сказал Терен.

— Я думала, ты уже зал занял.

— Нет.

Девочка подняла голову.

— А что ты делал?

Он указал на диван. Она покосилась на него, потом на спрятанную куртку.

— Ты домой собирался?

Домой. Значит, она знала куда. Можно было пойти за ней, поесть, выспаться, а потом уже искать способ остаться на Земле до следующего сезона. Он обернулся к зеркалу, и девочка заметила заминку.

— Ты чего?

— Проверял, проснулся ли.

— Ну вот. У меня минут сорок. Мама скоро освободится.

За девочкой приедет мать. Терену стало легче, но ненадолго: она должна была знать своего мужа гораздо лучше, чем девочка. Он не мог провести здесь ночь, если она приедет за ними обоими.

— Знаешь, давай перенесём, — сказал он.

Девочка замолчала.

Терен приготовился к обиде. Умел с ней обходиться: согласиться, что подвёл, предложить больше завтра. Но на него смотрели уже внимательнее.

— Куда?

— На другой день.

— Мне завтра сдавать.

Он не ответил. Она перевела взгляд на диван и погасший телефон.

— Ты что-то выпил?

— Нет.

— Точно?

— Точно.

Она вдруг заговорила тише:

— Пап, если тебе плохо, скажи. Я маме позвоню.

В её голосе было слишком много доверия к одному короткому ответу. Терен почувствовал, как сейчас снова скажет «ничего» и она поверит, потому что у неё нет причины ждать другого человека на месте отца.

— Со мной не нужно оставаться, — сказал он.

— В смысле?

Он опустил куртку на диван.

— Позови мужчину, который был здесь до тебя.

— Бориса?

— Да.

Она не вышла, а достала свой телефон и набрала номер. Терену не понравилось, как уверенно она это сделала. Уже звала помощь, не разрешая ему выбрать какую.

— Мам, папе как-то плохо. Мы в театре... Не знаю. Говорит, не выспался, но он странный. Приезжай, пожалуйста.

Терен смотрел на дверь. В его мире эта просьба означала конец свободы. Но возле двери стояла девочка, которая пришла к отцу записывать шаги, и отодвинуть её, даже не коснувшись, означало оставить здесь уже совсем не то, что он хотел.

Она убрала телефон.

— Мама скоро будет. Ты сядь, пожалуйста.

Второй раз за вечер ему предлагали сесть. Он подчинился.

* * *

Борис пришёл вместе с девочкой: она вышла за ним, оставив дверь открытой. Теперь он сел сам, напротив Терена, и не спрашивал, как прошёл сон.

— Что случилось?

Терену было знакомо это устройство разговора. Человек садился так, чтобы ты смотрел на него, не видел выхода и не успевал заметить, кто ещё вошёл. Но Борис, наоборот, отодвинулся, освобождая проход, и сказал девочке:

— Ника, подожди в зале. Я с ним посижу.

Она осталась у двери.

— Я отсюда могу?

— Можешь.

Ника. Нужно было запомнить сразу. Не потому, что пригодится представляться её отцом. Просто не хотелось снова услышать её имя от другого.

— Я не тот, кого вы знаете, — сказал Терен.

Борис смотрел на него, ожидая продолжения.

— Не понимаю, что произошло.

Это было неправдой. Терен отлично понимал то главное, о чём сейчас говорить не хотел. Он сам уснул возле Порога, три ночи заставлял себя не бояться, что другой человек окажется слишком старым или больным. Он выбирал жизнь, которую не видел. Согласился на любую, кроме своей.

— Ты меня узнаёшь? — спросил Борис.

— Нет.

Ника переступила порог.

— Пап.

Терен посмотрел на неё. Она держала маленькую камеру, с которой пришла. Навела на него, но не включила — только проверяла, как он отреагирует.

— Что я сегодня сказала, когда свет погас?

Это был лёгкий вопрос. По тому, как она его задала, Терен понял: отец должен засмеяться раньше, чем ответит.

Он попробовал улыбнуться и остановился. Лицо легко сложилось в ту приветливую улыбку, которую он уже видел в зеркале. Но слова не пришли.

— Не помню, — сказал он.

Ника опустила камеру.

Борис потянулся к телефону, потом остановился и спросил, согласен ли Терен принять помощь. Терен согласился, не зная, что это будет означать. Лучше здесь, при них, чем в незнакомом городе, куда он не сумел бы вернуться.

— Где я буду ночью?

— Сейчас разберёмся, — сказал Борис. — Один ты отсюда не пойдёшь.

Это прозвучало обещанием, но Терен услышал запрет и с трудом заставил себя не встать.

Снаружи послышался быстрый разговор. Женщина вошла, увидела сидящего на диване человека, и в первую секунду её лицо изменилось так, будто ей показали что-то, о чём она давно боялась узнать.

— Илья?

Он поднялся.

— Сядь, — сказала она.

Ника подошла к матери. Та взяла её за плечо, не переставая смотреть на Терена. Теперь они стояли вместе, а Борис остался возле него, и Терену было ясно: если он всё ещё собирался играть хозяина тела, время для этого кончилось.

— Меня зовут Терен Рой.

Женщина не ответила. Борис произнёс её имя — Алина — и начал что-то объяснять.

— Это роль какая-то? — спросила Ника.

Терен покачал головой.

— А где мой папа?

Терен открыл рот.

Он видел перед собой камеру, в которой на полу лежал человек с опухшей щекой. Слышал скрип ворот перед рассветом. Илья Серов должен был уже проснуться. Заговорить с караульным, попросить развязать руки. Он не знал, что караульный от этого только разозлится.

— Там, где был я.

— Где?

— В Равени.

— Это город?

Терен кивнул.

Ника ждала ещё. Он знал, что должен сказать про суд и про понедельник, про стражника, который умер, про то, что господин Век не оставляет в живых людей только потому, что они больше ему не нужны. Но говорить всё это девочке при её матери было всё равно что отдать себя обратно караулу.

Алина повела дочь к выходу.

Терен успел шагнуть за ними и остановился, когда Борис тоже встал.

— Погодите. В понедельник его могут убить.

Обе обернулись.

— За что? — спросила Алина.

Он посмотрел на свои руки. На них не было ни рубца, ни следов верёвки. Такие руки ничего не доказывали, и от этого стало страшнее.

— За то, что сделал я.

Глава 3. Допрос актёра

Сосед сказал, что утром его выпустят, если он назовёт хоть одного живого человека, который согласится его забрать.

— Я бы согласился, — сказал я.

Он приподнял голову.

— Тебя утром спросят, куда ты дел того, живого.

Я оторвался от окна. Во дворе занимался день. По верхним камням арки уже ходили птицы, а под нею ещё было темно. Всё утро до меня доносилось, как какая-то женщина перечисляла имена у ворот. Каждое имя она произносила дважды. Иногда из-за ворот отвечали, тогда женщина замолкала и приходилось ждать, пока она соберётся с силами для следующего.

Я предложил соседу крикнуть ей в окно.

— Я своих ещё вчера позвал. Мать пришла. Её и спрашивали, согласна ли.

Он повернул ко мне здоровую сторону лица. Больше я про утро ничего не спрашивал.

Когда за мной пришли, я успел решить, что назову полное имя, адрес, профессию и попрошу известить близких. Вместо этого сказал:

— У меня дочь.

Караульный, который ночью разрезал верёвку, отодвинул лампу от решётки.

— Терен, мне приказано отвести тебя. Отведу сам, без верёвки. Не мешай.

На свету он выглядел моложе. Взял меня за локоть там, где не было рубца, и я почти обрадовался этому мелкому соображению. Потом дверь закрылась за нами. Сосед так и остался сидеть у стены.

Через двор мы пошли вдоль арки. Я повернул голову, и караульный чуть не сбил меня с ног.

— В обход.

Никто не шёл под нею напрямик. Весь двор пересекала широкая полоса земли, на которой ничего не строили и даже не складывали пустых корзин. Справа, за низкой стеной, двое детей гоняли обруч. Мальчик, потеряв его на полосе, остановился, как у края воды. Сестра поймала обруч палкой и только тогда позволила ему заплакать.

В комнате, куда меня привели, сидели женщина с книгой на коленях и мужчина в расстёгнутой куртке. За его спиной было зарешеченное окно, чуть выше человеческого роста. Единственный свободный стул стоял под ним. Я подошёл к стулу, и мужчина вытянул ногу, загородив мне путь.

— Здесь садился тот, кого ты вёл через северные ворота. Посмотри хорошенько. Вспомнишь?

Я посмотрел на спинку. Она была подломлена. Кто-то, сидевший на этом стуле, сильно отклонился назад или попытался отодвинуться.

— Я не вёл никого через ворота. Меня зовут Илья Серов.

Женщина открыла книгу.

— Повтори фамилию.

Я повторил. Она записала её. От этого стало легче и очень захотелось прибавить всё остальное, пока она ещё держит перо над строкой.

— Вчера я уснул в театре. В гримёрной, на диване. Я там работаю. В двадцать тридцать пять у меня стоял будильник, дочь должна была прийти через десять минут.

— Сколько ей лет?

— Пятнадцать.

Мужчина убрал ногу. Я не сел: только теперь понял, что он предложил бы стул человеку, ответившему по-другому.

— Я Варс. Если тебя и правда зовут Ильёй, тебе лучше помочь мне найти человека, у которого ты забрал тело. А пока я вижу Терена Роя, который вчера клялся, что ничего не знает о Порогах. Так и передай ему, если увидишь.

Женщина при книге едва заметно усмехнулась. Я уже собирался доказывать, что не понимаю, что такое Пороги. Усмешка вернула мне слух: Варс задал мне задачу, на которую рассчитывал получить именно этот ответ.

— Покажите, где я вчера стоял.

— Зачем?

— Хочу понять, откуда вы на меня смотрели. Позвольте минуту. Если не будет толку, можете спрашивать дальше.

Женщина посмотрела на Варса. Он указал на полоску затёртого камня у двери.

Я встал туда. С этого места окно оказалось за спиной у Варса. Из-за света лица не разобрать, зато видно, когда он ставит ноги ровнее и подаётся вперёд. Женщина сидела боком, с прямой спиной, точно боялась, что в книге у неё перепутаются строки, если она устроится удобнее.

— Скажите, я начал сразу или ждал, пока меня спросят?

Никто не ответил.

— Можете ничего не говорить. У меня было похожее положение, когда я проснулся ночью. Человек напротив. За ним дверь. Я смотрел, кто первый отойдёт от двери. Когда вам врут, кстати, не все отводят глаза. Некоторые как раз смотрят слишком долго.

Я не говорил о том, что испугался, обнаружив другую руку. Говорил о двери, свете, о том, как караульный положил лампу на пол, чтобы развязать мне руки. Варс за всё это время ни разу не перебил. Женщина перестала писать. Плечи у караульного опустились, как опускаются у человека в зале, когда он забывает, что пришёл сюда по чьему-то приглашению и сидит не на своём месте.

Минуту я получил. Очень хотелось получить вторую.

— Теперь я посмотрю, где он стоял, — сказал я, кивнув на караульного. — Отступи от двери.

У него опять поднялись плечи.

— Вот как?

— Мне нужно только увидеть.

— Я тут свободный человек. Если тебе нужно пройти, попроси.

Я и сам не сразу понял, почему сказал ему «отступи». В здешней речи у слова было твёрдое, приятное окончание, будто сказавшему уже уступили. Так говорили через решётку. Мне на мгновение показалось, что из двух сторон решётки я наконец выбрал нужную.

— Простите. Отойдите, пожалуйста.

Караульный не двинулся. Варс теперь прекрасно различал моё лицо: он повернул стул к окну.

— Сначала ты знаешь про ворота, спрашиваешь, кто стоял у двери, потом даёшь приказ моему человеку. Зачем тебе узнавать, что мы видели, если тебя здесь не было?

— Про ворота сказали вы.

— И про стул тоже, а ты на него так и не сел.

Женщина снова взялась за перо. У меня возникло то самое чувство, которое бывает на репетиции, когда уже слышишь, как должен был произнести реплику, а партнёр успел ответить на ту, что произнёс.

За стеной грохнуло железо. Варс посмотрел на караульного, тот вышел и вскоре вернулся с другим, старшим. Старший был без лампы, зато с верёвкой, похожей на вчерашнюю. Она висела у него на поясе, белая посередине от частого трения.

— У ворот собрались, — сказал он Варсу. — Век едет.

— Пусть едет.

Старший выслушал это, затем подошёл ко мне. Он подал мне конец верёвки, как если бы я сам должен был знать, что с ним делать. Я не взял. Тогда он развернул меня к стене и завёл руки за спину.

— Он ходит без этого, — сказал молодой.

— Вчера тоже ходил.

Верёвку пропустили через кольцо у двери и потянули. Я попытался удержать пятки на полу. Когда это перестало получаться, мне захотелось любой ценой назвать живого человека, которого они ищут. Сказать, что он убежал в лес или утонул. Лишь бы старший вернул мне пол.

— Опустите, — раздалось из коридора.

Никто не спросил, кто приказал. Верёвка провисла. Я прислонился к стене, ещё не решаясь доверить вес ногам.

Человек, вошедший в комнату, был невысок. Он снял мокрый плащ и отдал его женщине, шедшей следом. Та повесила плащ на тот самый подломленный стул. Вошедший оглядел нас всех и обратился к старшему.

— Кто поставил это кольцо?

— Оно здесь всегда было.

— А вы верёвку оттуда уберите. И развяжите ему руки.

Старший посмотрел на Варса. Тот кивнул.

— Ты как? — спросил вошедший меня.

Я смог разжать пальцы только на второй попытке. Хотел кивнуть ему, улыбнуться, хоть чем-нибудь ответить на то, что больше не больно. Он подождал, пока я сам отойду от стены, и только потом представился:

— Эрдан Век. Я поручусь за тебя. Если хочешь.

* * *

Век вышел во двор вместе со мной, а Варс повёл нас в комнату над воротами. По лестнице я поднимался боком: руки ещё не слушались, и мне всё казалось, что я снова полечу вниз, не успев ухватиться за перила. Век заметил это и прошёл мимо меня, оставив всю лестницу свободной. Снизу старший караульный позвал молодого. Я услышал, как они разминулись, ничего друг другу не сказав.

Комната над воротами была похожа на ту, что оставляют при большом зале для людей, опоздавших к началу спектакля. На лавках сидели женщины, звавшие людей во дворе, и два мальчика, один в чулках, другой босой. Над лавками на верёвке сушились рукавицы. Сквозь отверстие у пола тянуло ветром с реки. Люди пришли за кем-то и ждали, когда можно будет выпрямиться, снять рукавицы и забрать пришедших в них людей.

Век попросил женщину подвинуться, сел среди них и развязал шнур на дорожной сумке.

— Грет, сапоги велел взять. Принёс один. Второй дед твой догоняет, если ему уже объяснили, зачем я вёз первый.

Босой мальчик засмеялся, взял сапог и сунул в него обе ноги. Соседний перестал смотреть на меня. Варс тем временем переговорил с женщиной у двери. Она позвала несколько человек во двор. В комнате осталось четверо взрослых, включая старика, который всё это время сидел у открытого окна и настраивал трёхструнный инструмент. Заметив, что я на него смотрю, он дёрнул одну струну.

— Слыхал?

— Да. Ниже остальных.

— Ниже, — подтвердил он. — А мальчишке говорили, не клади возле печки.

Он ослабил другую струну и тронул обе разом. По тому, как он послушал их в тишине, я узнал занятого человека, которого привели сюда ради чужого дела и который пытается хоть сколько-нибудь времени у этого дела отнять.

— Сай, — представил его Варс. — Давно живёт в Равени. Пришёл в своё время с Земли.

Это слово я узнал не сразу. Такого ответа, когда ждёшь его всю ночь, боишься почти так же, как любого другого. Я смотрел на Сая. От удивления у меня дрожала верхняя губа.

— Откуда?

— С Земли, — повторил Сай. — Город тебе что-нибудь скажет? Я из Рыбинска.

Я знал только название. Зато теперь мог представить, как он стоит на платформе или идёт вдоль воды, как на его месте никогда не было этой одежды и странного инструмента. Спросил, сколько он здесь. Старик закрыл струны ладонью.

— Дольше, чем там. Ты какого года?

Я назвал год. Сай переспросил. Повернулся к окну, будто за ним было что-то, по чему можно сосчитать. Потом положил инструмент на лавку.

— А помнишь, когда билет в автобусе ещё отрывали?

— Помню, когда компостировали. Мелкий был. Папа давал мне самому пробить. Мне нравилось, что стоять можно на ступеньке и видно, как дорога бежит прямо под дверью.

— Мои не давали. Над самой ступенькой было окно? Такое косое, внизу?

— Было. Зимой запотевало, и видно только в те дырки, где ботинком протёрли.

Он тихо фыркнул, точно вспомнил конкретного мальчишку, которого мог бы за это отругать. Потом спросил, зачем у меня будильник в театре, и я рассказал про Нику и шаги. Сай не понял, как она собиралась снимать и отдельно записывать звук. Когда я сказал, что у неё камера помещается в руке, он раздвинул ладони на ширину двух пальцев, потом ещё немного и спросил, куда же помещается плёнка. Варс слушал, стоя возле двери. Никто из нас не предложил ему сесть.

— Я тебе сейчас должен сказать, что мы до вечера разберёмся, — проговорил Сай. — Только я обещать не буду. Много ты проспал, по-твоему?

— Дома? Полчаса, может. Здесь я почти не спал. Ночью всё думал, что утром приду в себя.

Варс отошёл от двери.

— Вернёшься на Землю, и Рой проснётся на своём месте. На нём прежний приговор. Это я обещаю не забыть.

— Я не прошу его отпускать.

Слова вышли слишком быстро. Теперь я сам себя услышал. Где бы ни был Рой, он пока никого из нас не просил разрешить ему вернуться.

Сай подтянул инструмент ближе.

— Терен знал, кого я здесь ищу? — спросил он у Варса. — Знал Рыбинск, ступеньку? Где с ним было такое разыграть?

— Знал гостя из купеческих конюшен, того могли научить.

— А ты на ступеньке стоял?

Варс помолчал.

— Нет.

— Вот и я про вашу тройную упряжку всё понять не мог, пока меня вожжами по спине не огрели.

Век так и сидел возле места, где мальчик мерил сапог. На лавке осталась одна рукавица. Он перевесил её на верёвку и сказал Варсу:

— Отдай его мне до понедельника. Если врёт, привезу сам. Если нет, свидетеля получишь в своём теле.

Варс ответил ему не сразу. Попросил меня назвать свой адрес. Я назвал, и он записал сам, медленно, на отдельном листе. Номер квартиры повторил вслух. В его голосе он прозвучал как расстояние, которое можно отмерить, если когда-нибудь будет понятно откуда идти.

— На понедельник назначено исполнение, — сказал Варс. — Я попрошу судью остановить его, пока мы устанавливаем, кто вышел из камеры. Оправдывать Роя я не уполномочен. Тебе от этого тоже пока никто двери не откроет.

— А если откажут?

Он сложил лист, и записанный адрес оказался снаружи.

— Тогда я пойду снова.

Ему пришлось уйти ненадолго. Век, похоже, рассчитывал ждать дольше. Он достал хлеб. Мне хотелось сказать, что я ничего у него не возьму, пока он не ответит, где мы и что он собирается получить. Когда он отрезал первый ломоть, я уже протянул руку.

Во дворе снизу вынесли одежду кого-то из задержанных. Через отверстие возле пола хорошо было слышно, как женщина спорит, что куртка не того цвета. Ей предложили другую. Она ответила, что у неё дома есть вещи сына, и попросила привести сына.

Я ел. Сай играл мелодию, которую можно было услышать, только если ветер в окне на секунду стихал.

Варс вернулся со сложенным листом. На сгибе стояла печать, похожая на отметину от ногтя.

— Исполнение приостановлено. Будет новое разбирательство. Ты под надзором гостевого двора до передачи поручителю. С моей стороны никаких верёвок. С твоей — никаких уходов.

Он протянул мне лист, подержать самому. Я прочёл каждое слово, хотя ещё вчера не смог бы отличить ни одного из этих знаков от царапины. Прочёл снова первое предложение и только тогда отдал.

Век поднялся. Сказал, что пришлёт за мной завтра после полудня. На переправе у него есть малый Порог. Там тихо, семьи гостя не ищут под воротами, можно будет лечь и дождаться ночи. Слово «домой» он произнёс так просто, что я успел представить чёрный экран телефона на диване и Нику, которая стучит в дверь.

— Ты вернёшься, — сказал Век. — Остальное я возьму на себя.

Во дворе его уже ждали. Он спустился первым. Варс пошёл за ним, и я остался у открытого окна с Саем. Снизу было видно, как Век подал кому-то руку, помогая перелезть через бортик телеги. Он умел дождаться, чтобы человек нашёл ногой ступеньку, прежде чем потянуть его вверх.

— Я могу сегодня просто лечь там, где проснулся? — спросил я Сая.

— Можешь попросить. После вчерашнего вряд ли оставят тебя в той камере.

— Тогда хорошо, что у него другая арка.

Сай шагнул ближе. Струны тихо отозвались, когда он опёр инструмент о подоконник.

— У Вековой арки ты можешь услышать Роя. Если оба уснёте. А вернуться можно только здесь, у той самой арки, где вас поменяло.

— Значит, надо, чтобы меня пустили во двор.

— И чтобы вы оба во сне согласились вернуться, — сказал Сай.

Век проехал под воротами, и кони разом прибавили шаг. Я уже смотрел не ему вслед, а на караульного у ворот. С Веком меня выпустят. Я не спросил, как войти обратно.

Глава 4. Нельзя сыграть отца

Утром Терен проснулся от скрипа за стеной и решил, что проспал раздачу воды. За изголовьем как будто сдвинули засов. Потом оттуда заговорила женщина, попросила кого-то убрать из прохода велосипед. Слово он понял. За ночь это свойство здешних слов ему не стало привычнее.

В квартире Ильи не было ни женщины, ни велосипеда. Из театра сюда его привёл Борис, знавший дорогу и дом. Ключи нашлись в кармане куртки. Один открыл квартиру. Другой был круглый и гладкий. Борис показал, куда его приложить, чтобы открылась дверь внизу.

Вчера Алина отвела Нику в зал и вызвала скорую. Приехавший врач попросил Терена назвать своё имя и сказать, где он сейчас. Терен ответил. Потом врач спросил, что было перед тем, как он уснул. Про камеру Терен промолчал.

— Поедем, — предложил врач. — В больнице разберёмся.

Терен встал у двери. Борис спросил, будет ли легче, если он поедет с ним. Терен всё равно отказался. Тогда Борис предложил отвезти его домой и остаться на ночь. Врач сказал, при каких переменах нужно сразу звонить снова. Когда Терен среди ночи проснулся, из кухни ещё падал свет.

Здесь пахло остывшим деревом. В первый раз за пять дней Терен проснулся на кровати, а не на полу, и жалко было вставать даже теперь, когда снаружи мог прийти кто угодно.

Он мог выйти в любое время. Мог закрыть дверь и уйти далеко, прежде чем Борис заметит его отсутствие. В куртке оказалось несколько бумажных денег. Вчера Борис велел ему купить на них утром хлеб и сыр, но сейчас Терен держал их в руке и думал, что ничего не знает об их цене. Он пока не успел понять, откуда на Земле узнают, что человек не тот, за кого себя выдаёт. Ему хотелось вернуться в театр. По крайней мере там он уже знал, какие двери открываются изнутри.

Перед одиннадцатью пришёл Борис, как и договорились накануне. Терен узнал его по тому, как тот постучал и отступил, освобождая проход. С ним была Алина.

— Ника не пришла, — сказала она. — И сюда не придёт, пока мы не поймём, что с вами.

Она остановилась на пороге, хотя Терен отступил. Он подумал, что надо предложить ей войти, но не знал, как в этом доме это делал Илья. Они стояли до тех пор, пока Борис не спросил, можно ли ему сесть. Только тогда Алина прошла в комнату и выбрала стул, с которого было видно дверь.

— Вы вчера сказали, что его могут убить. За что?

Терен всю ночь надеялся, что при свете дня говорить будет легче. Здесь он мог выйти из комнаты, когда захочет, и никто не собирался его хватать. Но на стуле сидела женщина, которая знала Ильино лицо лучше, чем он сам, а в ответ можно было только назвать ей человека, который больше не придёт домой.

— Убили стражника.

— Вы?

— Я был там.

Она посмотрела на Бориса. Тот не помог.

— А Илья где? — спросила она.

— В камере. Если они его уже не вывели.

— Вывести куда?

Терен подумал о том, что утром Век войдёт в гостевой двор, снимет плащ и узнает о побеге. Рассказ о нём мог бы продлить этот разговор на час, и всё равно Алина не увидела бы того, что увидел Терен: спокойное лицо человека, нашедшего замену унесённому товару.

— Я не знаю.

— Вчера вы знали.

— Про понедельник знаю. Про остальное мне не говорили.

Алина вытянула ногу из-под стула. На носке ботинка была полоска белой пыли. Терен видел такую пыль на сапогах после похода по мелким известнякам и на мгновение обрадовался, что нашёл между ними что-то знакомое. Она сказала:

— Я не знаю, с кем разговариваю. Позвонить мне по обычному номеру сможете?

— С этого телефона не могу.

Он показал ей чёрную вещь. Борис объяснил ночью, что без кода она почти ничего не сделает, кроме звонка за помощью. Алина даже не взяла её.

— Тогда через Бориса. Если вы уйдёте, скажите ему. И никаких разговоров с Никой наедине. Она вчера успела спросить, не придумала ли это сама. Ей пятнадцать, а она сидела на кухне и боялась, что, если бы сказала что-то другое, вы бы пришли в себя.

Терен вспомнил вопрос про свет. Ему хотелось уверить Алину, что он попробовал ответить, что даже не совсем соврал. Он действительно не помнил того вечера в мастерской. Ничего с ним не происходило, когда свет погас.

— Хорошо, — сказал он.

Алина повернулась к Борису.

— Я на работе до вечера. Если ему станет хуже, сразу звони. Если захочет уйти, не держи, но мне напиши.

— Договорились, — сказал Борис.

Она уже собиралась встать, но осталась на стуле.

— Нике сегодня надо закончить звук. Ей разрешат снова прийти?

— Разрешат. Я буду рядом.

Алина согласилась, что приведёт её в театр сама, в обеденный перерыв. Терена об этом не спросили. Он ждал, что ему предложат остаться здесь, и тогда до вечера опять не будет дела, ради которого можно идти по улице, не изображая человека, идущего домой.

— А мне можно с вами? — спросил он у Бориса.

Алина перестала поправлять сумку.

— Не к девочке. В театр, — уточнил Терен. — Там у меня было время с одиннадцати до трёх.

— У Ильи, — сказал Борис.

— Да.

Борис посмотрел в окно. С улицы доносился гул, который вчера Терен принял за ветер и долго не мог понять, почему этот ветер останавливается на перекрёстке, чтобы снова подняться.

— В театре есть место, где вы можете посидеть, — сказал Борис. — Партнёрша сегодня пришла на репетицию. Если хотите, попробуйте прочитать с ней одну сцену. Про поездку пока ничего не обещаю.

— Что я должен сделать?

— Дождаться её реплики. Для начала не опаздывать с ответом.

Терен справлялся с этим всю жизнь. Кивнул. И только когда Борис тоже кивнул, понял, что между ними впервые состоялось соглашение, которое его можно будет попросить исполнить.

* * *

В театре Терену сказали ждать в маленьком зале. На сцене стояла лавка, до неё от двери было два шага. Вдоль стены лежал толстый чёрный провод, через который вечером хотела

переступать Ника. Он помнил её лёгкий шаг на пороге гримёрной. Теперь девочка вошла и придержала дверь, чтобы Алина прошла за ней.

— Вы тут? — сказала Ника.

Вчера в её голосе было «ты». Она умела менять это так легко, что Борис, сидевший в первом ряду с бумагами, не поднял головы.

— Жду, — ответил Терен.

Ника поставила на лавку камеру, потом достала маленький прибор с чёрным хвостом. Алине пришлось уйти за шнуром, который забыл выдать кто-то за сценой. Борис поднял руку, давая понять, что видит их. Терен посторонился, чтобы Ника могла разложиться на лавке.

Вчера она собиралась записать шаги. Сегодня у неё было другое решение: пройти по доскам один раз медленно, потом быстрее и закончить возле двери. Дверь открывалась в коридор, где кто-то готовился петь. Первые два звука Ника записала как хотела, на третьем за дверью взяли высокую ноту. Она выключила прибор.

— Закрыть? — предложил Терен.

— Тогда слышно замок.

Он прижал дверь плечом. Она упёрлась в косяк, оставив щель шириной с ноготь. Певца стало едва слышно, замок молчал. Ника прошла половину пути, но Терен по привычке убрал руку, увидев движение с другой стороны. Дверь толкнули, и перед ним оказалось лицо женщины с нотами.

— Извините, — сказала она и захлопнула дверь.

Замок щёлкнул. Ника, стоявшая посреди зала, не ругалась. Она послушала запись и сказала:

— И так не пойдёт.

Рядом с дверью на стене висел афишный щит. Между ним и дверной ручкой оставалось столько места, что можно было встать боком, удерживать ручку с прижатым к стене локтем и пропустить человека, едва отведя плечо. Терен показал Нике это место. Теперь он видел в щель до самого поворота.

— Сколько нужно?

— Ну секунд двадцать. Если там никто не запоёт.

— Если кто пойдёт, я услышу.

Ему приходилось ждать дольше. На одном дворе под Равенью он стоял в щели между телегой и стеной, пока люди искали хозяина украденного коня. Там нужно было не просто переждать: если хозяин вернулся бы раньше посланного за ним работника, Терен должен был открыть ему ворота. Он до сих пор помнил, как скрипел у коня зуб, когда тот жевал что-то невидимое в пустой кормушке. Тогда Терен спасал человека, который увёл коня, а в конце получил половину просимого и нож в доску у своей руки. Он всё ещё любил минуты перед тем, как подойдут к воротам. Можно было устроиться так, что по звуку каблука ясно, кто идёт и торопится ли.

В коридоре женщина повторила ноту, потом поправилась и ушла. Терен кивнул. Ника подняла прибор, прошла от лавки к двери и остановилась. Несколько секунд слышно было, как далеко в зале переворачивает страницу Борис. Терен ждал её знака, но она по-прежнему стояла, выставив вперёд прибор. У него начинало сводить бок, край щита давил через куртку в плечо, и захотелось хоть немного поднять грудь.

— Теперь можно дышать?

Ника прыснула. На записи должно было остаться и это. Она выключила прибор, но продолжала смеяться, пока он выбирался из-за щита. Борис оторвался от бумаг.

— Получилось?

— Почти. Ещё раз, — сказала она, перевела дыхание и добавила: — Вы тогда просто так же стойте. Я рукой покажу.

Алина вернулась в зал и остановилась у первого ряда. На четвёртом проходе ничего, кроме шагов, не прозвучало. Ника тут же надела один наушник и протянула второй Терену. Он не сразу понял, что нужно поднести его к уху. Там послышались её ноги, как будто она прошла мимо ещё раз и в этот раз не отбрасывала тени. Ника при каждом звуке загибала палец. На последнем звуке улыбнулась и вынула у него наушник.

— Всё. Можно сдавать.

У Алины опять зазвонил телефон. Она отошла к выходу отвечать, а Ника спросила у Бориса, не занят ли зал завтра вечером. Он успел сказать «после семи», прежде чем понял, о чём вопрос.

— Завтра выезд, — сказал он.

— Я не про вас. Мне папа нужен в шесть.

Терен повернулся к сцене. Там возле лавки администратор положила свежую распечатку. Борис пошёл ей навстречу, но Ника успела взять лист сама. Терен увидел знакомую фамилию в столбце и цифры, отделённые от неё чёрной полосой. Ника читала долго.

— Когда это решили?

Борис сказал:

— Вчера. Мы можем поговорить.

Она посмотрела на Терена, словно только теперь обнаружила, что именно ему предстояло оказаться в том списке.

— Он сказал, что придёт к началу.

Терен знал, как говорить с человеком, оставленным ждать. Следовало найти что-нибудь, что уехавший сделал для него перед тем, как уйти. Защищает лучше, чем объяснение, куда тот отправился. Он уже собирался сказать, что Илья как раз в театре и ждал её, когда уснул. И остановился. О том, что Илья делал до сна, он знал столько же, сколько Борис о гостевом дворе.

— Я не могу сказать, что он собирался сделать, — произнёс он.

— А что можете?

Ника сложила лист пополам. Терен нашёл глазами Алину. Она стояла в дверях, телефон у уха, и могла их видеть, но не слышала.

— Я могу прийти, если ты захочешь.

Ника положила лист обратно.

— Там вход свободный.

Пока она убирала прибор, Борис успел передвинуть лавку к двери и найти второй стул для репетиции. Место для Терена уже было готово. Он вдруг подумал, что если всё-таки сейчас прочитает хорошо, то узнает, куда Илья хотел уехать в субботу. Может быть, увидит и зачем.

В зал вошла молодая женщина с пьесой. Борис назвал её по имени, дал Терену несколько страниц и объяснил, что она будет уходить. Уходящую нужно задержать.

Сначала они читали сидя. Терену понравилось, что от него требовалось отвечать словами, уже написанными. Он видел на странице все причины, по которым женщина встанет, и мог не гадать, с какого слова начнётся ссора. Когда она встала на самом деле, у Терена ещё оставалось две строчки. Он дочитал обе, поднял голову и увидел дверь. Женщина задержалась там, не дотрагиваясь до ручки. Чего-то ждала.

Терен встал. Если человек хотел выйти, удержать его можно было, просто встав между ним и выходом. Он так и сделал. Женщина глянула мимо него на Бориса.

— Как дальше?

— Он ещё не закончил, — сказал Борис.

Терен посмотрел на лист. Строчки, которые осталось произнести, почти ничего не значили. Хозяин комнаты приглашал женщину вернуться, когда ей будет удобно. Можно было сказать это на любой улице любому уходящему человеку. Он произнёс слова, не выпуская её из угла, и она покосилась на его руки.

— Отойди, — сказал Борис.

Терен отступил. Женщина прошла в коридор, постояла там и вернулась уже без своей роли. На её лице было то выражение, которого он добивался у людей, когда ему действительно нужно было их задержать. Он попросил прощения и успел получить кивок.

— Ты ведь меня всерьёз не выпускал, — сказала она.

Терен хотел ответить, что от него этого и просили. Не успел.

Она не была зла. Сложила пьесу и спросила у Бориса, точно ли ей завтра ехать в два. Он сказал, что точно. Когда она ушла, Терен начал с начала, один, и выдержал все места, где должен был звучать её голос. Читал не спеша, чтобы Борис услышал, что он умеет.

— Завтра в десять, — перебил Борис. — В последний раз. Если не сможешь, к выезду будет другой человек. Там не мы одни.

Терен опустил страницы. За дверью Ника с матерью собирались уходить. Он слышал её тихий голос: она объясняла, что вот этот файл надо оставить отдельно, потому что в нём она засмеялась. Открылась и закрылась дверь в коридор.

— К десяти приду, — сказал Терен.

Терен забрал пьесу. До утра можно было выучить все слова хозяина. Теперь он знал, что их мало, и не представлял, что ещё унести отсюда.

Глава 5. Пять человек и шестой

Вечером Сай привёл женщину, которая предложила мне работу, ещё не спросив, умею ли я работать.

— Скажи «по одному», — велела она.

— По одному.

Она попросила повторить, отвернувшись к воротам. Я повторил. У самых ворот кто-то перестал скрести камень лопатой.

— Годится. А ты ещё говорил, у него другая жизнь, — сказала женщина Саю.

— Жизнь другая. Горло то же.

Она поставила на лавку узкий деревянный короб, откинула крышку и вынула длинную ленту с нашитыми бляхами. Я ждал, что она повяжет её мне на запястье. Женщина приложила ленту к моим плечам, сощурилась и сказала, что я буду брать плату за выход.

— Откуда?

— Из очереди.

Я посмотрел на ворота. Людей, ждавших на земле с утра, почти не осталось. У стены на сложенном плаще спал мальчик, который примерял один сапог. Над ним женщина придерживала ладонью край плаща, чтобы тот не полз по грязи.

— Здесь?

— У торговых рядов. Завтра до полудня. Никакой настоящей платы. Ты выкликаешь людей как у северных ворот, потом стоишь и ждёшь.

В прежней жизни такой разговор меня бы обидел. Теперь я никак не мог понять, как взрослый человек мог стоять передо мной, видеть лицо Терена и просить всего лишь стоять и ждать.

— Я актёр, — сказал я.

— Тем лучше, если можешь ждать. Я Рада. А ты сколько хочешь?

Она села рядом и назвала сумму, которой, по её мнению, мне хватило бы, чтобы купить ужин и утром не торопиться. На этом мы бы и договорились, если бы караульный не услышал слово «утром». Он подошёл, не выпуская из рук недочищенный фонарь.

— Завтра его забирают.

— После полудня. Мы кончим раньше.

— Он за ворота не выйдет.

— С тобой выйдет. Сай говорит, дознаватель ему разрешил прогуляться.

— Во дворе.

Рада повернулась ко мне, будто я мог знать, где именно кончается это разрешение. Я не знал. Мне пока позволили спать в комнате над воротами, при открытой двери. О еде и прогулках Варс ничего не сказал. Я сказал, что до завтра останусь здесь. Больше они меня ни о чём не спрашивали.

Караульный почти ушёл, когда Рада протянула ему ленту.

— Подержи. Нет, к себе приложи. Вот так.

Он приложил. На тёмной куртке бляхи зазвенели громче, чем он ожидал. У ворот подняли головы.

— Наша площадка на соседнем углу, — сказала Рада. — Отсюда её видно. Сядешь в первом ряду, если тебе по службе можно сидеть.

Караульный вернул ей ленту.

— Я спрошу.

Рада пошла к своим, Сай за нею. Я думал, что она оставит ленту мне, и успел даже прикинуть, как носить её, чтобы она не лязгала на каждом шаге. Рада унесла и ленту, и короб. Потом вернулась.

— Ты отказался или я плохо слышала?

— Не отказался.

— Тогда к утру выучи два слова. «Выход платный». Длиннее нельзя, я успею потерять человека у рамы.

* * *

На площадке пахло нагретой рыбой. Продавцы вывешивали её под навесами, и, если ветер шёл с Эсы, вдоль всего ряда начинали шевелиться рыбьи хвосты. У наших зрителей за спинами был виден белый край большой арки. Чем выше поднималось солнце, тем труднее было отличить жилу от остального камня.

Мой караульный сел сбоку. Варс согласился отпустить меня до начала передачи, если я вернусь вместе с ним. Пока Рада ходила за разрешением, она успела найти мне башмаки. Пятка у левого оказалась чуть выше. Это было неудобно, пока я не понял, что из-за этого стою, подавшись вперёд, как человек, который всё ещё надеется, что очередь сама уступит ему место.

До начала Лисса прогнала несколько мальчишек с поперечины, на которой предстояло сидеть Саю. Митт таскал с повозки доски. Фен сидел на подножке, выставив перед собой одну ногу в чулке. Он играл человека, которому предстояло выйти и который, по словам Рады, очень дорожил оставшейся у него ногой. Я предложил, что можно перевязать ему её и сделать вид, будто он пришёл за возмещением. Рада ответила:

— Ты не знаешь, за чем он пришёл. Смотри лучше, как он сядет.

Фен услышал и сел прямо на землю. Пока я смотрел, он успел спрятать ногу под полой куртки. Лисса, проходя, зацепилась за неё и удержалась у меня на плече. Фен воздел руки к небу, счастливо открыл рот и так и замер. Лисса прижала ладонь к моему плечу сильнее. Я не сразу понял, что она сдерживает смех, чтобы он мог ещё немного посидеть с открытым ртом.

Рама стояла между двумя низкими подставками. Двери в ней не было. Митт наклонил её ко мне, показав, с какого края брать, если вдруг понадобится. Я удивился, какая она лёгкая. На брусьях светлели следы прежних крючков, от дверной ручки осталась круглая дыра. Сквозь неё был виден глаз одного из мальчишек, снова подошедших слишком близко.

Лисса запела. У неё был голос, от которого хотелось обернуться, даже если она уже стояла прямо перед тобой. Сай подхватил припев. Я перестал смотреть на караульного. Снова мог услышать то, что обычно слышал, выходя к залу: как смех начинается на одном краю, а на другом ему отвечают чуть позже, потому что там ещё не заметили смешного.

Мне дали знак.

— По одному!

В переднем ряду человек с корзиной ответил:

— Да не толкаемся мы, Терен.

Меня прошибло холодом. В моём настоящем театре зрители редко обращались к исполнителю по имени, да и то случалось обычно после. Я услышал, как Лисса с другого конца помоста повторила нараспев «не толкаемся мы», и понял, что можно оставить это в игре.

— Выход платный, — сказал я.

Рада с важностью выдвинула раму вперёд. Фен подошёл в одном башмаке, протянул ей монету и остался стоять перед рамой.

— Выйди, — сказала Рада.

— Я жду, пока откроют.

Рада показала, что здесь пусто. Фен просунул руку в пустоту, ощупал место, где должна была быть створка, и так испугался, что отпрянул. Мальчишка у подножия помоста схватился за ногу товарища. Фен продолжал смотреть на собственную руку. Смех затихал медленно, и я испугался, что сейчас он вовсе уйдёт. Подался вперёд и в голос, которым меня попросили выкликать очередь, объявил:

— Выход для храбрых. Остальные могут остаться дома.

Человек с корзиной хлопнул. Я услышал свой успех и ещё несколько мгновений держал его. За это время Фен успел открыть рот, закрыть и посмотреть на Раду. У него готовилась реплика. Моим голосом её раздавило.

Рада велела мне отойти. Зрители снова засмеялись: им понравилось, что служителя, который только что на всех накричал, можно прогнать одним пальцем. Мне было так обидно, что я чуть не остался на месте. Потом увидел лицо Фена. Он всё ещё стоял перед рамой и не собирался выходить. Я отступил, и Митт сразу занял моё место.

Они взяли раму с двух сторон. Фен не двинулся. У него ещё хватило времени отнять у Рады свою монету, прежде чем она с Миттом подняла раму и пронесла её мимо него. Дерево прошло над его головой, подставки остались пустыми. Фен уставился туда, где рама стояла прежде.

Рада выглянула из-за стойки:

— Вы уже вышли. Следующий.

Я засмеялся с остальными. По ту сторону рамы Фен всё ещё держал монету на открытой ладони. Когда смех поутих, он стянул с ноги башмак, бережно положил в него монету и ушёл, неся его перед собой. Ему захлопали так, что Сай перестал играть. Рада поставила раму на подставки. Я подошёл, снял ленту и стал брать настоящую плату, как она велела. Мне подавали монеты люди, которым не надо было ничего от Терена.

Никто не уходил. Рада посмотрела на Фена, тот поднял башмак над головой, и Лисса начала петь снова.

* * *

После представления мы сели прямо на помосте. Его край прогибался, и каждый раз, когда Митт поворачивался, у нас с Лиссой поднимались ноги. Фен встряхнул башмак, и на доски упала старая монета, которой он расплачивался в номере. Она закатилась под мою ладонь. Я вернул, а он дал мне другую, настоящую.

— За сегодня, — сказал он. — Рада уже вычла из общего. В следующий раз, когда я так руку держу, подожди.

— Думал, ты забыл.

— Я ждал, пока мальчишка отпустит ногу. У нас из-за этого и смеялись.

Я попробовал вспомнить, в какой именно момент ребёнок взялся за ногу друга. Получалось только, как человек с корзиной хлопнул после моей реплики.

— Покажешь, когда? — спросил я.

Фен поставил пятку на доску и повторил весь конец, до взгляда на пустое место. Без рамы и зрителей было не так смешно, но теперь я увидел, когда он выпускал воздух и готовился заговорить. Мы два раза сделали это снова. В третий раз я не вступил совсем, и Фен ткнул меня локтем, разрешая.

Мне хотелось ещё. Впервые за полтора дня стало жалко времени по такой причине.

Рада пошла к торговым рядам, где оставили малую повозку. Я вызвался помочь, и караульный встал со своего места. Мы прошли вместе до улицы, где между домами открывалась река. Течение было быстрое. У самой воды вдоль перил ходили люди, прижимаясь к стене,

чтобы уступить тем, кто нёс тяжести с пристани. От арки до этого края города оказалось меньше, чем от нашей мастерской до автобусной остановки.

У ворот богатого двора стояла телега. В неё грузили мешки и две перевязанные верёвкой бочки. На доске над воротами было вырезано имя Эрдана Века. Я прочёл его раньше, чем разглядел людей у телеги. Рада вдруг обошла меня, встала на носки и позвала:

— Нель!

Возле телеги обернулись двое. Один был в возрасте Сая. Второй едва успел отвести волосы с глаз, прежде чем ему в руки подали мешок. Рада позвала снова. Молодой человек услышал, посмотрел на неё, на меня, чуть отступил. С другой стороны телеги кто-то приказал ему лезть на передок. Он поставил мешок и полез. Рада двинулась за ним.

Караульный удержал её за плечо.

— Туда нельзя.

Она сбросила его руку. Через открытые ворота было видно, как молодой человек сидит, отвернувшись к стене. Возница повернул к реке. Между нами и телегой встали грузчики. Когда они разошлись, телега уже спускалась к дальнему ряду домов.

— Куда она пойдёт? — спросила Рада.

— К переправе, должно быть.

— Ты уверен?

Караульный помотал головой. Рада не стала спрашивать ещё. Вернулась за малой повозкой, сама выволокла из-под колеса камень и крикнула Митту, чтобы запрягал. Я пошёл за нею. За моей спиной караульный сказал, что пора возвращаться.

— Кто это был? — спросил я.

Рада осмотрела упряжь. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять, чего не хватает. Митт принёс из большой повозки ремень.

— Наш человек. Мне надо его догнать.

— С Веком?

Она перестала затягивать ремень.

— Я поеду вдоль берега. Если они к переправе, смогу их опередить. В большую повозку посадим Лиссу, Фен умеет править. Ты едешь?

Караульный подошёл ближе.

— За ним Век прислал. Видишь человека в синем у ворот? По твою душу.

Человек в синем стоял там, где мы утром вышли из гостевого двора. Пальцем он придерживал у колена сумку, которую нёс на ремне. Увидев караульного, он поднял руку. Мне вспомнилось, как Век помог человеку перебраться через борт телеги, как дождался, чтобы я смог отойти от стены. Никто больше тогда не заговорил, пока я стоял на носках.

Сай уложил инструмент в малую повозку. Я спросил его, ездит ли он сам на переправу.

— Теперь редко, — сказал он.

— А живые арки, кроме Вековой, есть?

Караульный тронул меня за локоть. Сай не спешил отвечать.

— Есть, — сказал он наконец.

Я уже стоял лицом к воротам. Можно было дождаться ночи у Века, поговорить с Роем и потом попросить Века снова провести меня во двор. У него с Варсом уже один раз получилось договориться. Но если для разговора хватит и другой арки, я мог хотя бы начать без него.

— Ты ко мне был по-человечески, — сказал я караульному. — Спасибо.

Он отпустил мой локоть. Наверное, ждал, что я пойду сам.

Я обогнул малую повозку и влез с другой стороны. Рада уже сидела на передке. Митт отпустил коня, и повозка пошла вдоль ряда. Никто не потащил меня вниз. Караульный что-то крикнул, я разобрал своё здешнее имя. Потом между нами оказался воз с рыбой. Пока его подвигали, Рада успела повернуть к выезду.

За малой повозкой ехала большая. Лисса сидела поверх досок. Фен правил, поставив босую ногу на край передка. Он оставил мне место рядом с собой, и теперь я понял, что мог бы сесть туда при всех, если бы мне разрешили уходить.

Рада спросила, удобно ли мне. Я сказал, что да. За мной оставались открытые ворота, человек Века и разрешение, под которым стояла чужая печать. Я всё ещё мог крикнуть, чтобы она остановилась.

Вместо этого подвинулся, освобождая Саю место.

Глава 6. Премьера без него

В десять утра Терен знал роль хозяина наизусть. В автобусе по дороге в театр он говорил её вполголоса и один раз услышал, как женщина за спиной ответила «пожалуйста» там, где по пьесе ему никто не должен был отвечать.

В маленьком зале стояли два стула. На одном сидел Борис, второй занял незнакомый мужчина. Он пытался держать на коленях полную чашку, а женщина, вчера игравшая с Тереном, отнимала у него стул. Она уже дважды попросила встать. Мужчина как будто только сейчас её услышал.

— Вы пришли за чашкой? — спросил он с таким облегчением, что Терен засмеялся у двери. Ему представилось, сколько всего у этого человека можно было забрать, пока он надеялся отделаться чашкой.

Мужчина поднял голову. Он улыбнулся партнёрше, которая наконец сумела сдвинуть стул. Потом встал и сказал:

— Илья, я тут тебя подменю, если понадобится.

Терен не знал, что говорить людям, которые знали Илью, а его принимали за Илью с дурным настроением. Он сжал свёрнутые страницы и кивнул.

— Андрей, дай нам минуту, — сказал Борис.

Пока Андрей шёл к выходу, женщина отошла к двери, где вчера не смогла пройти мимо Терена. Он подумал, что должен будет сыграть с ней то же место. Но Борис, оставив её у двери, попросил Терена сесть на освободившийся стул.

— С чашкой? — спросил Терен.

— Спроси у неё, зачем она пришла.

— Я знаю зачем. Там у неё письмо.

— Не у женщины из пьесы.

Терен посмотрел на партнёршу. Она стояла, прижав к бедру свою сумку, и ждала, когда освободится зал. Может быть, Борис сказал ей прийти раньше, а она за это согласилась ещё раз постоять у двери.

— Зачем вы пришли?

— Я обещала подождать до десяти. Потом я поеду домой за вещами.

Терен развернул листы. Он знал ответ на все слова, написанные для неё. На этот не знал ни одного.

— Если вы поедете домой, к двум успеете? — спросил он.

— Успею, если выйду сейчас.

— Тогда идите.

Она взяла пальто с подлокотника и пошла. Борис пропустил её, не останавливая.

Когда закрылась дверь, Терен расправил страницы на стуле. Ему хотелось, чтобы хоть один человек услышал, сколько он выучил. Он произнёс первую реплику. На середине запнулся, потому что кто-то в коридоре позвал Андрея, и через секунду опять рассердился на себя: такое простое дело, сидеть, пока твои слова никому не нужны, а ему даже это перестало удаваться.

— Человека на площадку надо было назвать вчера, — сказал Борис. — Я их попросил подождать. Больше не могу.

— Андрей сможет?

— Уже смог. Его ждут внизу.

Терен собрался спросить, возьмут ли его с собой. В городе, куда они едут, никто не должен знать Илью лучше Бориса. Можно доехать, выйти из машины и не вернуться. Вчера он представлял, как легко это будет сделать, если вечером ему дадут сесть с остальными. Теперь

в дверном стекле отражался стул, а рядом стоял Борис, которому нужно было покинуть этот зал через несколько минут.

— Илья очень хотел туда? — спросил Терен.

Борис уставился на него. До сих пор он старательно не называл Терена ни Ильёй, ни тем именем, которое услышал от него при Алине.

— Он хотел играть, — ответил он. — Туда он ехал ради этого.

Терен отдал ему страницы. Борис не стал сразу их брать.

— Здесь ты и без роли можешь посидеть. Если будешь нужен, я сам скажу. А вот в машину садиться не надо. Они тебя знают. Станут спрашивать, ты разозлишься, а нам потом вместе играть.

Он сказал это почти грубо, и Терен сразу поверил, что сейчас ему разрешают остаться. Утром он ожидал, что придётся купить это хорошей репетицией.

— Где сегодня кино? — спросил он.

Борис написал адрес на пустом углу последнего листа и оторвал его. Про Нику ничего не спросил. Только попросил не перепутать два входа. За стеклянным, где люди несут большие сумки, кино не будет. Надо пройти дальше, до двора.

* * *

К шести часам во дворе собрались люди. Стояла жара, державшаяся возле стен даже после того, как солнце ушло за крышу. На ступенях сидела девочка в тяжёлых ботинках. Она рассказывала женщине, что в её фильме нет ни одного человека и что убрать людей оказалось труднее, чем найти их. Кто-то вышел из здания и повесил у двери лист с четырьмя названиями. Фильм Ники стоял последним.

Она была внутри с Алиной, возле низкого окна. Там стояли четыре стула и стол, и люди оставляли на нём всё, что не хотели брать в зал. Ника держала белый лист с названиями фильмов, исписанный на обороте. Терен остановился в нескольких шагах. Можно было развернуться и уйти, пока ни она, ни Алина его не заметили. Тогда никто из них не смог бы сказать, что он помешал.

Первой увидела Алина. Подошла, оставив дочь у окна.

— Борис сказал, вы, может, придёте.

— Если нельзя, я уйду.

— Можно смотреть. Я буду рядом с Никой.

Она посмотрела на него внимательнее:

— Вы в кино раньше ходили?

— У нас была стена. По ней показывали тени, когда приезжали люди с ярмарки. Там сзади стоял человек и рассказывал, что они делают.

Алина повела его к залу. У дверей показала, откуда лучше видно, если он хочет сесть с краю. Сама пошла к Нике.

На двух рядах сидели зрители. Ника оставила рядом с собой место. Когда к ней подошла девочка в тяжёлых ботинках и показала на свободный стул, Ника помотала головой. Терен видел через ряд только их плечи. Слов почти не слышал, но «папа» разобрал. Он прошёл в самый конец и сел возле двери, где от пола тянуло воздухом.

Первый фильм начинался шумом воды и стеной, которую кто-то снял так близко, что Терен долго не мог понять, велика она или перед ним всего лишь край кружки. Потом с высоты упала капля. Дверь за Тереном открылась, в зал вошла опоздавшая женщина. Она присела возле него и несколько минут не смотрела на экран, пока переводила дух. Терен не подвинулся к Нике, хотя увидел, что рядом с нею по-прежнему никого нет.

После второго фильма ведущая спросила у автора, почему он решил остановиться именно там. Парень у стены начал отвечать и на середине фразы посмотрел в сторону выхода. Терен узнал этот взгляд: так люди прикидывают, могут ли уйти, пока их слушают. Но парень остался, кто-то ему помог, досказав слово. До конца разговора они больше не перебивали друг друга.

Перед четвёртым фильмом к экрану вышла Ника. Один человек сзади прошептал:

— Это про страх, она говорила.

Терену понравилось, что Ника не услышала. Она стояла у экрана и объясняла, что в мастерской постарались ничего не переставить, поэтому в кадре осталась очень большая надпись. Если зрители её прочтут, кино от этого не станет другим. Потом кто-то выключил свет. Ника не успела сесть и осталась у стены.

Илья на экране шёл вдоль закрытых ворот. Он достал телефон, долго ждал и вдруг поднял его высоко над головой. Сзади засмеялись. Терен уже два дня видел это лицо, когда проходил мимо зеркала, но мужчина на экране не был похож на того, с которым он жил. Вот он повернул голову, услышав шаги. На его лице на мгновение появилось смешное, нетерпеливое желание, чтобы наконец кто-нибудь пришёл. Терен тоже захотел, чтобы кто-нибудь пришёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.